

В. Шеффлер¹

ОДИН ДЕНЬ С КАНТОМ

Переводы из сборника стихов Вальтера Шеффлера
«Мой Кенигсберг», посвященных Иммануилу Канту²

От переводчика

Перевод стихотворного текста относится к наиболее сложным и спорным вопросам теории и практики перевода. Основная проблема, как представляется, — проблема точности перевода такого текста как в плане соблюдения содержания, так и формы. Цикл стихотворений Вальтера Шеффлера, посвященный Канту, написан в форме сонета. Переводчик пытался сохранить по возможности форму сонета. Однако более важным представлялась передача смысла и своеобразия образного стиля автора сонетов. Поэтому переводчик стремился в первую очередь передать эти параметры содержания, даже если это происходило порой в ущерб форме. Но автор перевода считает, что ему удалось в значительной мере передать русскому читателю то впечатление, которое получает немецкий читатель от текста оригинала. Если это не так, то пусть тот, кто после чтения моих переводов, будет придерживаться противоположного мнения, сделает это лучше.

И. Д. Копцев

¹ Вальтер Шеффлер родился в 1880 г. в Кенигсберге. Поэт-лирик. Тема его поэзии — воспевание Родины. Он называл себя «Вальтер из Лаака» («Лаак» — сегодня: район Московского проспекта западнее центра г. Калининграда). Перу Вальтера Шеффлера принадлежат следующие сборники стихов: «Моя песня» (Mein Lied) 1921 г., «Мой Кенигсберг», 1924 г., «Светлые пути» (Helle Wege), 1925 г., «Вальтер фон дер Лаак» (Walter von der Laak), 1934 г., «Годы учения Вальтера фон дер Лаака» (Die Lehrjahre des Walter von der Laak), 1942 г. Вальтер Шеффлер был любимцем кенигсбергжцев. Умер он в 1964 г. в г. Гамбурге, куда его после войны забросила судьба. — *Прим. пер.*

² Перевод с немецкого выполнен И.Д. Копцевым по изданию: Walter Scheffler. Mein Königsberg. Spaziergänge in Sonetten und Liedern. Dritte, vermehrte Auflage mit 13 Abbildungen. Gräfe und Unzer — Verlag. Königsberg Pr. Ostpreußen — Bücher, Band 17. 1924. — *Прим. ред.*

Из цикла «Один день с Кантом»

Frühmorgens

Des grauen Ordensschlosses breite Rücken
und tiefer Gärten grüner Wipfelstrauß
umfrieden treu des Denkers stilles Haus,
die blanken Scheiben frei ins Frühlicht blicken.

Der Turmuhr Zeiger sacht auf sechste rücken –
Kant ist längst wach und raucht sein Pfeifchen aus,
durchdenkt den Vortrag, schaut ins Grün hinaus,
lauscht einem Vogelliede voll Entzücken.

Des jungen Tagsgestirnes Leuchten strahlt
Vom reinen Angesicht des Weisen wider;
Vor seinem geistestrunknen Auge malt

sich eine morgenneue Welt der Brüder,
dem Gotte folgend, der im Innern spricht,
in reinem Wollen ordnend Recht und Pflicht.

Утро Канта

Под сенью мощной Ордена дворца,
Садов зеленой прядью окаймлен,
Стоит в тиши укромной домик мудреца,
Встречая утро дня прозрачностью окон.

На башенных часах уж скоро шесть утра,
Но Кант уж встал, ведь трубку выкурить пора,
Продумать лекцию и распахнуть окно,
Послушать пенье птиц, проснувшихся давно.

Луч солнца отражает старца лик,
Знак светлой мудрости начертан на челе,
Предвидит он, пророк, седой старик,

Что братство новое людей наступит на земле.
Лишь только б Божий глас в душе не смолк,
Воленьем чистым разделяя, где есть право, а где долг.



Kant geht zur Vorlesung

Es geht auf sieben — Zeit wird's fürs Kolleg!-
Nochmals das Barometer konsultiert -!
Ein Prischen noch — der Diener präsentiert
Schon Hut und Stock für den gwohnten Weg.

Treppnieder steigend lauscht Kant dem Gespräch,
Das seine Köchin mit der Katze führt,
Sein ernst Gesicht ein feines Schmunzeln rührt,
Dann auf die Straße tritt er, die sich schräg

Zur lauten Altstadt senkt das Schloß entlang,
Den seinen Körper trägt gemess'ner Gang,
Das große Haupt neigt sich wie forschend vor.

Kant späht zum Pregelkai ins Marktgetöse —
dann geht's durch Gäßchen — und die langen Schöße
des braunen Rocks verschluckt das Domhoftor.

Кант идет на лекцию

Пора на лекцию. Часы вот семь пробьют,
Успеть взглянуть, каков барометра прогноз,
Уж подаются трость и шляпа. Еще понюшку в нос,
И Кант вершит привычный свой маршрут.

Спускается по лестнице — но тут
Он замедляет шаг еще немножко,
Чтобы послушать разговор кухарки с кошкой,
Затем с улыбкой тонкой мудреца

Он вниз, к Альтштадту, вдоль дворца,
Неся свой хрупкий стан, не торопясь, идет,
Чуть наклонив большую голову вперед.

На рынок, что у Прегеля глядит издалека,
Но вот уж в переулке фалды сюртука,
Его мелькают; но затем уж скоро
Скрывают Канта ворота собора.



Im Hörsaal

Saatdurst'ger Hirne Schar vor Kant am Pult -:
Das weiße Wölkchenkräuseln der Perücke
schwingt über Stirn und Ätherblau der Blicke
wie über reichen Frühlingshimmels Huld.

Kant liest Moral -: Gefühl von tiefer Schuld
Zertrümmert hart zum höchsten Gut die Brücke. —
Sie baut sich neu! — In freien Willens Glücke
Baut sie der Mensch sich, nicht mehr eingullt

Von Traum und Zweifeln an des Menschseins Sinn.
„Du kannst, du sollst! Gott wartet dein, klimm hin!
Tu gut, um gut zu sein und nicht um Lohn!

„Sei gut aus Stolz, du Mensch, der Schöpfung Tron!“
— Die Hörer glühn — in Herz und Hirnen schwillt
Die Saat zum gottgewollten Menschenbild.

На лекции

За кафедрою Кант. Аудитория полна.
Она как пашня пред посевом ждет зерна.
Из-под завитушек белых парика
Видны лоб и глаза, что цвета василька.
Так свет небес весною осеняет облака.

Что есть мораль? Она — наша глубокая вина?
Что разрушает мост, ведущий к благу, разом,
Но человек, чтобы к нему прийти,
Его вновь строит на своем пути

Свободой движимый и верой в людской разум.
«Твори добро ради добра! Не ради награждения!»
«Ты можешь! Должен! Прочь сомненья!»

«Будь добр из гордости, ведь ты венец творенья!»
У всех взволнованы и души и сердца,
Посев взошел — в желанье быть похожим на творца!



Кант с друзьями за столом

Дробица одна! – Дел мудрых тихий дом
 Живет вдруг резко после долгого покоя.
 Шапку на полке вешают на дверцу
 Господин Рат фон Хиппель и Профессор Краус-

Друзья собираются к полдну.
 Веселый хозяин идет сам:
 „Ну, мои господа, прошу, каждый
 воздержитесь – не давайте комплиментов!“

Сократический ужин! – Как на столе роза
 Цветет мысль, улыбаясь танцует шутка;
 Светит вокруг звездное и земное

Дел мудрых дух, друзей чувствующее сердце.
 Человек отделяется тяжело – от башни
 стучит четыре часа –
 В груди не умирает этот час.

Ужин у Канта

Без четверти уже час! Философа обитель,
 Где только что забыт был мир хаоса,
 Внезапно объявляет шумный посетитель,
 Советник Гишпель, с ним профессор Краус.

Друзья без промедления и паузы
 Идут к столу. Торжественный момент:
 К гостям выходит Кант:
 «Прошу! Не нужен комплимент!».
 И начался ужин, а по-немецки «шмаус».

Сократов пир! И за столом подобно розе
 Мысль расцвела, и юмор легок как кадрили.
 Все: небо звездное и внеземную быль

Объемлет старца мысль. В удобной позе
 Внимают ей друзья. Но все проходит в мире!
 Вот с башни бьют часы четыре.
 С трудом расходятся, в душе своей храня
 Все впечатления незабываемого дня!



Spaziergang

Der Altstadt Kirchlein zu des Schlosses Füßen
 umzittert rötlich Spätnachmittagschein.
 Den Berg hinab längs alten Häuserreih`n
 Professor Kant spaziert nach seinen Wiesen.

Ein Herzfreund naht, begehrt sich anzuschließen,
 doch Kant wehrt ab: „ Verzeih, ich lieb`s allein!“
 Er schwenkt den Dreispitz, lächelt freundlich fein,
 wenn ihn die Bürger von den Wolmen grüßen.

So durch die Langgass`, durch das grüne Tor –
 Er steht am Strom, schaut Segler und Wittinen,
 tief trinkt den Wasserruch die schmale Brust.

Dann sucht er Wege seiner Knabenlust:
 Ein Damm mit Pappeln führt durch Wiesenflor,
 ein einsam Bänklein lädt zum Ruh`n und Sinnen.

Прогулка

Лишь только кирху Альтштадта у замка в переулке
 Закатный луч украсит в розовый наряд,
 Вниз под гору, домов минуя старых ряд,
 Профессор Кант выходит на прогулку.

Один приятель вдруг встречается ему:
 «Нельзя ль вдвоем?» – «Прости, мне лучше одному!»
 Идет, с улыбкой треуголкой машет лишь в ответ,
 Когда сограждане с полей ему свой шлют привет.

По Ланггассе и к Зеленому мосту он держит путь.
 Вот и река. Он смотрит с интересом
 На парусные лодки, баржи с лесом.
 И глубоко вдыхает свежий ветер грудь.

Но все далее в луга уводит путь его,
 К местам любимым с детства своего,
 Где тополя на насыпи шумят своей листвою,
 И скамейка манит к размышленью и покою.



Kants Tod

Des starken Geistes Werkzeug brach —
 Das er so lang bewacht in strengem Pflegen,
 Er tat es längst nur noch wie traumhaft regen;
 Nun sank`s ihm hin im letzten Herzensschlag.

Klar stand der Winterhimmel überm Dach;
 Ein weißes Wölkchen zog auf Ätherwegen.
 „Dort zieht Kants Seele ihrem Gott entgegen!“
 So sprach die Stadt und dachte sinnend nach

Wer dieser war, der ihre Seelen zwang
 zu Stolz und Liebe und Ehrfurchtsschauern
 und alle Türme nun zum Trauersang?

Sein Denken weltwirkend weiterschwang. —
 Er war ihr Sohn — durch ihn aus ihren Mauern
 Ein neuer Wille in die Menschheit drang.

На смерть Канта

Разбился хрупкий духа мощного ларец,
 Что был в уходе долгом, строгом,
 Но властью призрачной над ним лишь обладал мудрец,
 И вот закрылся он с его последним вздохом.

И было небо зимним над его чертогом,
 Одно лишь облачко летело в нем далече,
 И говорил весь город в этот вечер:
 «То Кантова душа летит на встречу с Богом!».

Кем был он им, кто души их направил,
 К любви и гордости, но и благоговенью,
 Что внемлет мир теперь его ученью,

И по себе колокола звонить заставил?
 Он был их сын, одной был с ними доли,
 Все человечество подвиг он к Новой воле!



О переводчике

Конец Иван Демьянович — д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Российского государственного университета имени Иммануила Канта.